

УДК 159.9.07

*В.А. Мазилев***КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ПУТАНИЦА: ВИТГЕНШТЕЙН О ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ПСИХОЛОГИИ¹**

В статье поднимается вопрос о некоторых актуальных проблемах современной психологии. В конце 40-х гг. XX столетия Л.Витгенштейн писал о концептуальной путанице в психологии и о соблазнительности экспериментов. В статье предлагается интерпретация этого тезиса. Утверждается, что метод эксперимента не самоценен, его «плодотворность» зависит от того, с какими понятиями (в качестве предмета исследования и предмета психологии) он ассоциирован. В статье отстаивается трактовка предмета как внутреннего мира человека, прослеживаются преимущества такой трактовки.

Ключевые слова: психология, наука, Л. Витгенштейн, И. Кант, предмет науки, метод, внутренний мир.

Прежде всего – необходимое уточнение относительно названия статьи. Выражение «концептуальная путаница» (также «путаница в психологии») принадлежит выдающемуся философу и логикю Людвигу Витгенштейну (1889–1951). В период с мая 1946 по май 1949 г. он записал свои мысли и соображения о психологии, которые были изданы в 2001 г. под названием «Заметки о философии психологии». Было бы слишком просто, если бы Божественный Людвиг (по выражению В.П. Руднева) сам в точности разъяснил, что в данном случае имеется в виду. По обыкновению он этого не сделал, поэтому нам предстоит интерпретировать, точнее, в соответствии с данной ситуацией, толковать это не вполне ясное высказывание.

Обратимся к тезису из трактата Л. Витгенштейна «Заметки о философии психологии». Он невелик по объему, поэтому приведем его целиком: «Путаница в психологии не может быть объяснена ссылкой на то, что она является "молодой наукой". Ее состояние нельзя даже сравнить с состоянием физики в ее молодые годы. И тем более – с состоянием некоторых ветвей математики. (Теорией множеств.) Ибо, с одной стороны, существует экспериментальный метод, а с другой – концептуальная путаница; как и в некоторых ветвях математики – концептуальная путаница и методы доказательств. В то время как в математике можно быть уверенным, что метод доказательства может быть полезным, даже если он плохо понят, в психологии плодотворность экспериментов весьма соблазнительна. Напротив, в психологии именно это является проблематичным, и существуют эксперименты, которые, как полагают, решают проблемы, в то время как из них ускользают именно тревожащие вещи» [1. С. 151].

Тезис, повторим, известный, но его содержание нуждается, как мы полагаем, в некотором комментарии. Причем подчеркнем, что возможный и обстоятельный комментарий может оказаться размером с небольшую книгу. Поэтому из потенциально возможных направлений комментария выберем, учитывая ограниченность объема публикации, только одно.

Начнем с эксперимента. Исторически получилось так, что эксперимент приобрел особую ценность как метод в первую очередь в естественных науках. Как справедливо отмечает В.С.Степин, естествознание, основанное на соединении математического описания природы с экспериментальным ее исследованием, формировалось в результате культурных сдвигов, осуществлявшихся в эпоху Ренессанса и перехода к Новому времени: «Идея эксперимента как метода познания и проверки истинности научных суждений могла утвердиться только при наличии следующих мировоззренческих установок. Во-первых, рассмотрения результатов эксперимента, которые представляют собой продукт искусственного, человеком сотворенного, как принципиально неотличимого от естественных природных состояний; во-вторых, представление о том, что экспериментальное вмешательство в протекание природных процессов создает феномены, подчиненные законам природы и выявляет действие этих законов. В-третьих, рассмотрения природы как закономерно упорядоченного поля объектов, где индивидуальная неповторимость каждой вещи как бы растворяется в действии законов, которые управляют движением и изменением качественного многообразия вещей и одинаково действуют во всех точках пространства и во все моменты времени» [16. С. 564]. «Все эти мировоззренческие уста-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ грант 15-06-10716.

новки, предполагающие особые смыслы фундаментальных универсалий культуры (природы, человека, пространства и времени, деятельности, познания), складывались в эпоху становления базисных ценностей техногенной цивилизации. Они не были присущи традиционалистским культурам. Их не было ни в Античности, ни в европейском Средневековье» (Там же).

Как известно, осмысление процессов, происходивших в сфере естествознания в Новое время, было осуществлено И. Кантом. Собственно, Кантом и было сформулировано представление о естественных науках, которое, легло в основу понимания психологии как естественной науки. Хотя Кант с известным основанием может считаться и вдохновителем гуманитарного подхода в науке, в данном аспекте его влияние на психологию появилось значительно позже. Как нам представляется, роль Канта в возникновении и становлении научной психологии, как ни удивительно, в полном объеме еще не раскрыта.

Обратим внимание на то, что кантовская критика рациональной психологии в известной мере предопределила дальнейшее развитие психологии как эмпирической науки: «Рациональная психология как доктрина, расширяющая наше самопознание, не существует; она возможна только как дисциплина, устанавливающая спекулятивному разуму в этой области ненарушение границы, с одной стороны, чтобы мы не бросились в объятия бездушного материализма, а с другой стороны, чтобы мы не заблудились в спиритуализме, лишенном основания в нашей жизни; она скорее напоминает нам, чтобы мы видели в этом отказе разума дать удовлетворительный ответ на вопросы любопытствующих, касающиеся того, что выходит за пределы земной жизни, его же указание обращать свое самопознание не на бесплодную чрезмерную спекуляцию, а на плодотворное практическое применение, которое, хотя всегда и направлено только на предметы опыта, тем не менее заимствует свои принципы из более высокого источника и определяет наше поведение так, как если бы наше назначение выходило бесконечно далеко за пределы опыта, стало быть за пределы земной жизни» [3. С. 382].

В плане дальнейшего развития эмпирической психологии нельзя пройти мимо одного замечания Канта, имеющего для будущего психологии несомненное методологическое значение. В предисловии к «Антропологии» (1798) Кант отмечает, что «учение, касающееся знания человека и изложенное в систематическом виде (антропология), может быть представлено с точки зрения или физиологической, или прагматической» [4. С. 351]. Фактически, здесь речь идет об основаниях эмпирической науки. И хотя Кант строит свою антропологию как прагматическую, возможность систематического изложения антропологии с точки зрения физиологической (и, следовательно, психологии как частной науки) остается. Та возможность, которая «потенциально» содержалась в программе Вольфа, была артикулирована Кантом (правда, пока для антропологии). Не будем забывать, что психология (эмпирическая) могла рассматриваться как часть антропологии, а следовательно, «перенос» на психологию является достаточно правомерен.

В апреле 1787 г. в предисловии ко 2-му изданию «Критики чистого разума» Иммануил Кант рассуждал о том, как определить, находится наука на верном пути или же движется ощупью. Вслед за математикой верным путем, по мысли Канта, пошло естествознание. «Естествоиспытатели поняли, что разум видит только то, что сам создает по собственному плану, что он с принципами своих суждений должен идти впереди согласно постоянным законам и заставлять природу отвечать на его вопросы, а не тащиться у нее словно на поводу, так как в противном случае наблюдения, произведенные случайно, без заранее составленного плана, не будут связаны необходимым законом, между тем как разум ищет такой закон и нуждается в нем. Разум должен подходить к природе, с одной стороны, со своими принципами, сообразно лишь с которыми согласующиеся между собой явления и могут иметь силу законов, и, с другой стороны, с экспериментами, придуманными сообразно этим принципам для того, чтобы черпать из природы знания...» [3. С. 84-85]. Можно полагать, что судьбу психологии во многом предопределили кантовские слова, которые представляются своеобразным методологическим требованием к психологии, *если она захочет быть наукой*. Действительно, создается устойчивое впечатление, что многие психологи последующих поколений принимали «вызов», стараясь с удивительным упорством решать именно эти две задачи: экспериментировать и вычислять. Кант пишет в «Метафизических началах естествознания» (1786): «эмпирическое учение о душе должно всегда оставаться далеким от ранга науки о природе в собственном смысле, прежде всего потому, что математика неприменима к явлениям внутреннего чувства и к их законам... Но даже в качестве систематического искусства анализа или в качестве экспериментального учения учение о душе не может когда-либо приблизиться к химии, поскольку многообразие внутреннего наблюдения может здесь

быть расчленено лишь мысленно и никогда не способно сохраняться в виде обособленных [элементов], вновь соединяемых по усмотрению; еще менее поддается нашим заранее намеченным опытам другой мыслящий субъект, не говоря уже о том, что наблюдение само по себе изменяет и искажает состояние наблюдаемого предмета. Учение о душе никогда не может поэтому стать чем-то большим, чем историческое учение и – как таковое в меру возможности – систематическое учение о природе внутреннего чувства, т.е. описание природы души, но не наукой о душе, даже не психологическим экспериментальным учением» [4. С. 60]. Кантовские слова оказали огромное влияние на последующее развитие психологии. К ним прислушивались и безоговорочно соглашались, кто-то пытался оппорить справедливость того или иного тезиса.

Итак, естественно-научная модель психологии негативно – через критику психологии – задана. Кантовская критика состояла в следующем: 1) психология не может использовать математику; 2) психология не может экспериментировать; 3) в психологии нельзя выделить устойчивые элементы (как в химии); 4) самонаблюдение нарушает естественное течение душевных процессов. Как известно, полностью ответил на кантовскую критику, разработав *под кантовские требования* свою физиологическую психологию, Вильгельм Вундт. Для темы нашей статьи особенно важно подчеркнуть, что, используя метод эксперимента, он дал основания считать психологию экспериментальной наукой...

Можно констатировать, что использование эксперимента постепенно становится неотъемлемой характеристикой психологии, а утверждения, что психология не может экспериментировать, расцениваются как анахронизм. Хотя и ограничения экспериментального подхода осознаются [2].

Обратим внимание на второй аспект акцентированного вопроса: напомним, что имеется в виду использование эксперимента в тех научных областях, которые были сопряжены с психологией. Более или менее систематическое использование метода эксперимента к исследованию психологических вопросов можно проследить с середины XVIII столетия. До этого времени была распространена точка зрения, согласно которой экспериментирование в психологии вообще неприменимо [14. С. 309]. Не вдаваясь в дискуссии, сформулируем это по-другому: экспериментирование представлялось неуместным и не имеющим особого смысла. Это было время, когда ученые развивали «психологию своим анализом психической жизни, который всем еще обязан пронизательности философа, склонного к созданию стройных систем» [17. С. 18]. Поэтому данные, полученные с помощью эксперимента, были реально не нужны: для подтверждения спекулятивных рассуждений было вполне достаточно внутреннего опыта (философская интроспекция, которую не стоит путать с научной). К.А. Рамуль выделяет несколько этапов, пройденных «психологическим экспериментом в его историческом развитии» [14. С. 309]. Психологический эксперимент на первой, начальной стадии своего развития, продолжавшейся приблизительно до середины XIX столетия, до экспериментальных работ Фехнера, Гельмгольца и др., характеризуется, по К.А. Рамулю, следующими общими чертами: вопрос, который пытаются решить экспериментальным путем, касается количественной стороны сравнительно простого явления – остроты зрения или наименьшего угла зрения, под которым можно еще видеть предметы, продолжительности положительного последовательного образа, величины порога различения, величины пространственного порога осязания и т. д. Общий метод состоит в том, что берут определенное раздражение и постепенно изменяют его до тех пор, пока не наступит определенный эффект, после чего определяют величину раздражения, при которой эффект впервые наступил [14. С. 309-310]. Первые психологические опыты по своему общему методу представляются вполне аналогичными простым физическим опытам. Самонаблюдение при этих первых опытах носит элементарный характер, высказывания испытуемых касаются обыкновенно лишь наличия или отсутствия эффекта [14. С. 310]. При этом слабо развито стремление путем контролирования условий опыта, многократного повторения, статистической обработки результатов, придать им большую точность и надежность (Там же). П. Фресс отмечал, что «успехи физиологии ощущений заставили признать влияние пространственно-временных условий и вообще участие психического в феноменальном отчете субъекта в своем опыте» [17. С. 27]. Поэтому неудивительно, что первые психологи были физиологами, а иногда и химиками. Поскольку речь идет об области «пограничной» между физиологией органов чувств и «нарождающейся» психологией, то полезно, чтобы не совершить ошибку, особенное внимание обратить на конкретные цели и задачи исследователей-экспериментаторов. Нам уже неоднократно приходилось отмечать, что нет достаточных оснований считать исследования в области психофизики и времени реакции разработкой экспериментальной психологии. Повторим, что эти исследователи не были психологами и решали другие задачи.

Густав Теодор Фехнер (1801–1887) – автор знаменитых «Элементов психофизики» (1860). «Этот труд по праву считается первым трудом по экспериментальной психологии» [17. С. 28]. С мнением П. Фресса, конечно, не согласиться нельзя, но на некоторых обстоятельствах всё же остановимся. Частично потеряв зрение в результате неудачного физического эксперимента, Г.Т. Фехнер приходит к мысли о занятии психофизикой. Что такое психофизика, по Фехнеру? Психофизика – «точная теория об отношениях между душой и телом и вообще между физическим миром и психическим миром» (Боринг, 1974, с. 29). Фресс, безусловно, прав, утверждая, что «значение деятельности Фехнера определяется не его первоначальной мотивацией, а тем, что он взялся за психологическую проблему, создал экспериментальные методы ее решения и, наконец, попытался сделать обобщение, которое он назвал законом Вебера и которое ныне мы называем законом Фехнера» [17. С. 29]. Но, чтобы понять смысл деятельности Фехнера, не обойтись без выявления его мотивов. Э. Боринг пишет в «Истории экспериментальной психологии»: «Фехнер дал четкое представление о природе психофизики как точной науки о функциональных отношениях или отношениях между душой и телом». Это представление выступило в качестве *raison d'être* оправдания всего его труда. Наконец, мудрый вывод Фехнера о том, что он не в силах вести исследования психофизики по полной программе, а должен ограничить себя изучением ощущений, причем не ощущений вообще, а интенсивности ощущений. Он полагал, что окончательное доказательство его взглядов в одной области могло бы привести в конце концов к распространению этих взглядов на другие области» (Боринг, 1974, с. 22). Важно подчеркнуть, что психофизика понадобилась Фехнеру «для того, чтобы показать всю мнимость дуалистической проблемы, которая исчезнет, если будет найдено уравнение, верно отражающее отношения между душой и телом» (Боринг, 1974, с. 23). Отсюда понятно, что создавать психологию как науку или тем более конструировать методы для нее он вовсе не собирался. Поэтому Боринг прав, когда пишет о том, что Фехнером «был создан экспериментальный метод; этот метод не уступал по своему значению всему остальному и был порождением фехнеровского темперамента вопреки Гербарту» (Боринг, 1974, с. 22). Напомним, что Гербарт, ратовавший за психологию как науку, тем не менее, отрицал возможность достоверного психологического эксперимента. Возможность же существования психологии как науки находилась вне интересов Фехнера (в отличие, например, от экспериментальной эстетики, которой Фехнер с энтузиазмом, ему свойственным, занимался). Таким образом, можно констатировать, что психологии от Фехнера остался метод (она его позаимствовала, включив психофизику в *структуру психологии*). Но разрабатывался метод эксперимента Фехнером как психофизический, а не психологический. По мнению К.А. Рамуля, психофизический эксперимент Фехнера, в отличие от более ранних психологических и психофизических опытов, имеет следующие особенности: 1) использование специально выработанных экспериментальных процедур – методов едва заметных различий, истинных и ложных случаев и средней ошибки, 2) стремление к получению максимально возможно точных и надежных результатов, находящее выражение в многократном повторении того же опыта с последующей математической обработкой полученных результатов [14. С. 311]. «Выработка специальных методов психофизического исследования означает начало, можно сказать, “психологизации” психологического эксперимента, начало перехода психологии от пользования экспериментальными методами, заимствованными от физики или физиологии, к пользованию своими собственными, специально психологическими методами, а многократное повторение того же опыта с последующей математической обработкой полученных результатов означает начало перехода в зарождающейся экспериментальной психологии от более или менее дилетантского и вследствие этого неточного экспериментирования к более точному научному исследованию» (Там же). Сам Фехнер подчеркивал специфику *психофизики* как области, в которой возможно экспериментирование: «Психофизический эксперимент, до сих пор находивший лишь случайное место то в физическом, то в физиологическом кабинете для опытов, выступает теперь с претензией на свое собственное помещение, свою собственную аппаратуру, свои собственные методы» (цит. по: [14. С. 312]). К.А. Рамуль, что особенно важно подчеркнуть, отмечает, что эксперимент на этом этапе имеет черты, сходные с экспериментами в прошлом: во-первых, элементарный характер исследуемых явлений; во-вторых, количественный характер опыта; в-третьих, сравнительно незначительная роль самонаблюдения. По точной характеристике О. Кюльпе, доундтовский эксперимент выглядит так: «Самонаблюдением не занимаются, испытываемые подобны автоматам, которых раздражают, и которые на это реагируют» (цит. по [14. С. 312]).

Подведем итоги. Г.Т. Фехнер, бесспорно, внес огромный вклад в разработку экспериментального метода. Поскольку он был не экспериментальным психологом, а психофизиком, этот метод был психофизический. Фехнер разработал конкретные методические процедуры (метод истинных и ложных случаев, средних ошибок, минимальных изменений), реализующие психофизический метод. Психофизический подход Фехнера был включен последователями (в первую очередь В. Вундтом) в физиологическую, экспериментальную психологию. При этом вся психофизика была переосмыслена. Фехнеровское разделение на внутреннюю и внешнюю психофизику было отброшено. Психофизика стала интерпретироваться в духе психофизического параллелизма, тогда как Фехнер придерживался теории тождества. Э. Боринг по этому поводу писал: «... точка зрения Фехнера на отношения между душой и телом не была точкой зрения психофизического параллелизма, а скорее соответствовала тому, что определяется как *гипотеза тождества*» (Боринг, 1974, с. 23). Методы Фехнера в экспериментальной психологии были применены к изучению другого предмета. Фехнер, таким образом, является одним из предшественников экспериментальной психологии: сам он психологом не был и психологических вопросов не разрабатывал. Здесь уместно заметить, что пионером собственно психологического измерения был Христиан Вольф [22; 23]: он ввел понятие психометрики и полагал, что величину удовольствия можно измерить сознаваемым совершенством, а степень внимания – продолжительностью аргументации, которую человек в состоянии проследить.

Нельзя не отметить вклад в разработку проблематики эксперимента в психологии Н.Н. Ланге. Он не только был сторонником использования эксперимента и тонким экспериментатором, что позволило ему получить результаты, вызвавшие резонанс в мировой психологии и широко обсуждавшиеся на страницах научных журналов в Европе и Америке, но и одним из первых (уже в 1893 г.) дал исторический очерк использования метода эксперимента в научной психологии и проанализировал возможности этого метода (Ланге, 1893). Кратко остановимся на анализе, сделанном Ланге. Он отмечает, что психологический эксперимент имеет особую ценность преимущественно в трех отношениях:

- 1) значение психологического эксперимента как улучшающего самонаблюдение;
- 2) значение эксперимента как особого логического метода (т. е. особого логического приема открытия зависимости между психическими явлениями);
- 3) значение эксперимента как средства измерения психических явлений.

Кроме того, Н.Н. Ланге выявляет значение объективного эксперимента в психологии («такого, в котором исследователь изучает психическую жизнь иного существа по ее внешним проявлениям или знакам в виде разнообразных движений и слов» (Ланге, 1893, с. XXXIV), усматривая его в экспериментах над загипнотизированными и в опытах над животными.

Знаменитое исследование Н.Н. Ланге, посвященное «закону перцепции», также выполнено методом эксперимента. Он характеризует закон перцепции следующим образом: «Мое исследование привело меня к убеждению, что в основе всех этих процессов лежит один принцип, один и тот же закон, и при том закон весьма общего характера и весьма своеобразного содержания. Этот общий закон можно выразить так: *процесс всякого восприятия состоит в чрезвычайно быстрой смене целого ряда моментов или ступеней, причем каждая предыдущая ступень представляет психическое состояние менее конкретного, более общего характера, а каждая следующая – более частного и дифференцированного*» (Ланге, 1893, с. 1).

Не имея возможности проанализировать дальнейшее развитие эксперимента, отметим лишь, что затем происходит расширение применения эксперимента. Во-первых, по сравнению с вундтовскими требованиями он применяется не только для исследования элементарных психических явлений, но и для изучения высших психических функций. Во-вторых, используется не как вспомогательный, а как основной [6; 11]. В-третьих, появляются новые возможности эксперимента, он начинает использоваться как источник получения новых фактов: создаются условия и фиксируются результаты. В-четвертых, появляются новые возможности эксперимента, связанные с моделированием ситуаций [9]. В-пятых, происходят изменения в уровне строения метода, метод усложняется за счет того, что используется не одна базовая категория, а их сочетание, используются более сложные моделирующие представления [10]. В-шестых, изменения касаются того, что сам метод включается в другие концептуальные схемы.

Впрочем, здесь не время и не место заниматься оценкой метода эксперимента в психологии в целом. Отметим лишь: сам В. Вундт в работе 1913 г. проницательно заметил, что эксперимент без направляющей роли философии не может привести к успеху [2]. Фактически о том же писал уже в

1960-е гг. известный психолог М.С. Роговин: «Каким бы диссонансом это не звучало в настоящее время, когда результаты экспериментального метода представляются чуть ли не единственным критерием научности, этот метод сам по себе дает мало повода для размышления над содержанием научных понятий и над их исторической природой» [15. С. 2]. Завершая обсуждение фрагмента о «сознательности» эксперимента в психологии, отметим, что метод эксперимента не самоценен, его «плодотворность» зависит от того, с какими понятиями (в качестве предмета исследования и предмета психологии) он ассоциирован.

Не вполне ясно, что имеется в виду под собственно «путаницей» в психологии. Действительно, не надо быть великим логиком и философом, чтобы утверждать наличие путаницы в психологии. При обилии различных психологических путаниц разного ранга и масштаба, рискуем предположить, что речь здесь идет о путанице весьма существенной, притом не являющейся следствием молодости означенной науки. Нам представляется, что на эту роль может претендовать главная психологическая путаница – путаница в определении предмета психологии, о чем написано много, но, на наш взгляд, в данном аспекте чрезвычайно важным представляется понимание предмета психологии как уровневого образования. В свое время нами было опубликовано несколько статей, где сформулированы требования к трактовке предмета, выявлены основные функции, которые предмет науки призван выполнять [7-9]. Но вместе с тем есть аспекты проблемы предмета, которые до сих пор не получили необходимой разработки. К числу значимых аспектов этой проблемы относится концепт «совокупный предмет». Совокупный предмет, несомненно, является производным от реального предмета, который характеризует сущность понимания психического, но вместе с тем выполняет важнейшую функцию определения пространств психической реальности. Иными словами, совокупный предмет определяет собой рамки и границы психологии. Специально подчеркнем, что это важнейший для психологии вопрос. Дело в том, что предметное пространство психологии должно представлять собой целостность, позволяющую организовать конструктивную исследовательскую работу. и далеко не каждое широкое психологическое понятие может претендовать на то, чтобы представить собой совокупный предмет.

Примером крайне неудачного определения совокупного предмета психологии, как хорошо известно из истории психологии, может служить «сознание». Причем на этом исследовательском пути причины тотальных неудач часто остаются без методологического анализа. Проблема в том, что сознание человека явно не представляет собой целостности, способной к «самодвижению» (выражаясь языком философов). Попробуем пояснить этот совсем не простой вопрос.

Как давно и хорошо известно, сознание представляет собой вырванный из ткани души кусок душевного аппарата. И поскольку граница между сознанием и бессознательным крайне нечеткая, это провоцирует исследователей на бесконечное выяснение, где же эта граница и как они – сознание и бессознательное – должны соотноситься. «Кровоточащий» след делает неизбежным обращение именно в эту сторону. С фрейдовских времен хорошо известно, что наличие предсознательного делает эту границу принципиально рыхлой, а противопоставление сознательного и бессознательного приводит в тупик. Ибо, сознание – не та целостность, на которой можно конструктивно строить науку. Отметим, что ситуация усугубляется, когда совокупный предмет психологии оказывается оторванным от его физиологической основы (как неизбежно происходит в случае с сознанием). Стойкое желание соотносить сознание и мозг упирается в известные варианты решения психофизиологической проблемы, что абсолютно не продвигает нас на пути постижения законов психики, которые исследователя интересуют в первую очередь.

Впрочем, из истории психологии хорошо известно: обстоятельства выделения психологии в самостоятельную науку были таковы, что ценой, которую психология заплатила за свою научность и самостоятельность, стало ограниченное понимание ее предмета: с одной стороны, сказалось противопоставление физиологии (в результате психическое утратило «энергетические» определения); с другой, разделение психики на «высшую» и «низшую» лишило ее неразрывной связи с миром культуры (в результате психическое в значительной степени утратило характеристики «духовного»).

На наш взгляд, обращение к трактовке предмета психологии как внутреннего мира позволяет удовлетворительно разрешить эти проблемы.

Как справедливо отмечает Д.А.Леонтьев, человека можно рассматривать одновременно как природный объект, индивидуальность, а с другой – как личность, имеющую внутренний мир, характеризуемый через его содержание и через те взаимодействия, в которые надо вступить с миром, чтобы по-

зволить ему раскрыться [5]. Биологической основой, реализующей структуру внутреннего мира, является физиологическая функциональная система поведения, в которой выделяются и морфологически фиксируются отдельные отделы нервной системы человека, и прежде всего головного мозга [19]. И если внутренний мир человека может существовать относительно самостоятельно от внешнего мира, то он не может быть отделен от человека. Внутренний мир, как мы уже отмечали, возникает через восприятие субъектом его собственных потребностей и переживаний, и в дальнейшем своем существовании он неотделим от потребностей и переживаний конкретного человека. Проживание жизни (с внутренней стороны) и есть поток изменений внутреннего мира, в каждый момент жизни вплетенный в реальные действия и поступки, обеспечивающий эти действия и поступки. На основе сказанного можно заключить, что внутренний мир человека – это живой мир и потребностно-эмоционально-информационная субстанция, представляющая внутренний мир, – это живая субстанция [19].

Обратим внимание, что такие идеи не вполне соответствуют представлению философии науки об однозначной отнесенности психологии к классу социогуманитарных дисциплин. Стоит подчеркнуть, что в настоящее время мы наблюдаем чрезвычайно бурный рост числа исследований в области так называемых нейронаук, которые, как известно, представляют собой междисциплинарную область знаний, занимающуюся изучением нейронных процессов. В настоящее время нейронауки включают в себя ряд таких областей, как когнитивная наука, химия, информатика, инженерия, лингвистика, медицина, психология и др.

Конечно, здесь не время и не место обсуждать эту глобальную проблему сколь-нибудь подробно. Отметим как итог настоящей статьи, что перспектива развития психологии видится в использовании категории *внутренний мир человека* как предмета современной психологии. По нашему мнению, это дает возможность сопряженного исследования внутреннего мира человека и мира человеческой жизни. Как можно полагать, возможно создание принципиально новых методов исследования психического, основанных на идеях юнговской амплификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Витгенштейн Л. Заметки о философии психологии. Т. 1 / пер. с нем. С.Д. Латушкина; под ред. В.В. Анашвили. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 192 с.
2. Вундт В. Психология в борьбе за существование // Новые идеи в философии. Сб. десятый: Методы психологии II. СПб.: Образование, 1913, с. 93–131.
3. Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. С. 799.
4. Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 743.
5. Леонтьев Д.А. Личность как преодоление индивидуальности: контуры неклассической психологии личности // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / под ред. А.А. Леонтьева. М., 2006, С. 134-147.
6. Мазиллов В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль, 1998.
7. Мазиллов В.А. Методология психологии. Ярославль, 2007.
8. Мазиллов В.А. Научная психология: проблема объяснения // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 1. С. 58-73.
9. Мазиллов В.А. Стены и мосты. Ярославль, 2004.
10. Мазиллов В.А. Интеграция психологического знания: методологические проблемы: монография. Ярославль, 2008.
11. Мазиллов В.А. Методология современной отечественной психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 3. С. 9-24.
12. Мазиллов В.А. Принцип соизмеримости теорий в психологии // Вестн. Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Сер. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2013. Т. 19. № 4. С. 28-32.
13. Мазиллов В.А. Методология психологии на современном этапе: проблемы и перспективы // Системогенез учебной и профессиональной деятельности: Материалы III Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Ю.П. Поваренкова. 2007. С. 42-48.
14. Рамуль К.А. Введение в методы экспериментальной психологии. Тарту: Тартусск. гос. ун-т, 1966.
15. Роговин М.С. Элементы общей и патологической психологии в построении психологической теории: автореф. дис. ... докт. пед. наук. М., 1968. 28 с.
16. Степин В.С. Наука // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, 2009. С. 562-566.
17. Фресс П. Развитие экспериментальной психологии // Экспериментальная психология / ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. Вып.1, 2. М.: Прогресс, 1966, С. 15-98.
18. Хант М. История психологии. М.: АСТ, 2009.

19. Шадриков В.Д., Мазиллов В.А. Общая психология: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015.
20. Boring E. A History of experimental Psychology. 2nd ed. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1974.
21. Boring E. A History of Introspection // Psychological Bulletin. Vol. 50, № 3. 1953. P. 169-189.
22. Wolff Ch. Psychologia empirica, methodo scientifica pertractata qua ea, quae de anima humana indubia experientiae fide constant, continentur et ad solidam universae philosophiae practicae ac theologiae naturalis tractationem via sternitur. Francofurti & Lipsiae: Libraria Rengeriana, 1738.
23. Wolff Ch. Psychologia rationalis, methodo scientifica pertractata qua ea, quae de anima humana indubia experientiae fide innotescunt, per essentiam et naturam animae explicantur et ad intimiorem naturae ejusque auctoris cognitionem profutura propontur. Francofurti & Lipsiae: Libraria Rengeriana, 1734.

Поступила в редакцию 07.10.16

V.A. Mazilov

"CONCEPTUAL CONFUSION": WITGENSTEIN ABOUT SOME METHODOLOGICAL PROBLEMS OF MODERN PSYCHOLOGY

The article raises the question of the crucial issues of modern psychology. In the late 1940s L. Wittgenstein wrote about conceptual confusion in psychology and seductiveness of experiments. The article presents an interpretation of this thesis. It is stated that the experimental method is not intrinsically valuable, its "fruitfulness" depends on with what concepts (as a subject of research, and a subject of psychology) it is associated. The article advocates the interpretation of the subject as a man's inner world and traces the advantages of such an interpretation.

Keywords: psychology, science, L. Wittgenstein, I. Kant, subject of science, technique, inner world.

Мазиллов Владимир Александрович,
доктор психологических наук, профессор,
заведующий кафедрой общей и социальной психологии
Института педагогики и психологии

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К.Д. Ушинского»
150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108
E-mail: v.mazilov@yspu.yar.ru

Mazilov V.A.,
Doctor of Psychology, Professor,
Head of Department of the general
and social psychology
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K.D. Ushinsky
Respublikanskaya st., 108, Yaroslavl, Russia, 150000
E-mail: v.mazilov@yspu.yar.ru